

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф82

Фрай, Макс
Ф82 Не мешки/Макс Фрай — Москва : АСТ, 2020. —
224 с. — (Миры Макса Фрая).

ISBN 978-5-17-120739-7

«Название этой книги отсылает нас к общеизвестной непечатной поговорке, смысл которой сводится к тому, что вербальный труд легче физического. Не хотелось бы вот так сразу соглашаться с народной мудростью, но знаете, положила руку на сердце, всё-таки — да.

В книгу включены дневниковые записи и фрагменты из переписки с друзьями, сделанные в течение последних полутора лет.»

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120739-7

©Макс Фрай, текст, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Оглавление

And not much else	11
Баланс.	12
Без сахара	13
Благодатный огонь.	15
Будьте как дети	17
Быть психом.	19
В интернете кто-то неправ.	20
В конце времён	22
В начале пути.	23
В сторону от бессмертия	25
Вижу цель — не вижу препятствий	27
Вильнюс как пляж	28
Вина и ответственность	30
Вклад в человеческий дух	32
Вопросы.	34
Воскресение начинается во вторник	36
Всё для первого сентября	37
Вхождение в пространство мифа	38
Вхождение в пространство мифа (постскриптум)	42
Гамлет	43
Гордыня	44
Град небесный	45
Два способа.	47
День рождения мира	48
Джармуш и март	49
Для настоящих героев.	50
Договор	51
Ещё не конец	52
Живу.	53
Жизнь как померанский шпиц	54
За пределы	55

Записывать	56
Запросто обойдёмся	57
Зима	58
Идите куда хотите	59
Йанипонил	61
Как мы победили светлое будущее	63
Как тут принято	66
Критика как покушение на убийство	69
Лернейская гидра	74
Летняя ночь	75
Лето	76
Лёгкость	77
Ловец желаний	78
Магия	79
Мартин Лютер разминается в синем углу	80
Маяк	82
Медсестра Милдред	83
Метод	85
Мир равнодушен	86
Мифы и легенды	89
Можно и так	90
Мой звёздный час	94
Морозко	96
Накануне Пасхи	99
Например, свобода воли	100
Насморк	102
Не впрок	104
Не связываться	105
Непонятное	107
Нечеловеческий опыт	108
Низачот	109
Новая книжка	110
Новая правда о нас	111
Ноябрь	112
О бедных элоях (и котиках, котиках)	114
О первенце фараона	116
О пищевом принуждении	118
О плюшках небесных	119
О послушании	121
О так называемых «волшебных пинках»	123

О хозяйственной пользе.....	126
Общий поток	128
Огурцы и вербы.....	132
Отчаяние	133
Ощущение собственной исключительности.....	134
Падают рыбы	135
Парадоксы взаимодействия с духом	136
Плюс «Кофеин»	138
Поговорили	139
По образу и.....	142
Погулять вышли.....	143
Пока не.....	145
Послушание	147
Постом и молитвой	149
Посылка.....	150
Похуюмо роз	152
Прикладной магический реализм.....	154
Приключения небольшого хтонического существа	158
Приоритеты	160
Про искусство	162
Про Одессу.....	164
Про погоду	168
Про слишком и не слишком человеческое.....	170
Про страшное.....	173
Про честное слово	174
Пьеса для города, пропащей души и ещё кучи народу.....	176
Расслабиться и получать удовольствие	179
Рождественская проповедь.....	180
Самое трудное	182
Сапожник	185
Сатанинская гордыня	186
Свет в конце	187
Северный ветер.....	188
Сила есть.....	189
Скорее, пока не началось.....	190
Слишком человеческому.....	192
Смысл.....	193
Сосуд	194
Социальный успех	196
Супермасонский элитарный секрет.....	198

Счастье.....	199
Тело, погружённое в зиму.....	200
Тень моей тени.....	201
Терять.....	202
Типа университет.....	203
Тонкий момент.....	204
У лягушки было десять лягушат.....	205
Уважение.....	207
Упаковка.....	208
Утрата контекста.....	210
Фатализм.....	211
Формула.....	212
Чего не будет.....	213
Человек без лица.....	214
Чёрное море, белые штаны.....	215
Чёрный ход.....	216
Чёрт знает кто.....	218
Чувство вины.....	219
Шут.....	220
Я из Одессы, здрасьте.....	221
Я так хочу.....	222

Сет убивает Осириса, Ромул убивает Рема; в мифологии братоубийство — популярный сюжет. Штука однако не в том, что мальчики любят драться; то есть, они любят, конечно, но тут есть и другой аспект.

Штука в том, что когда умирает твой очень близкий (в идеале, близнец, но есть ещё варианты), его смерть (и само умирание, и отчасти то, что сразу после) становится немножко твоей. То есть, оставшийся в живых всегда отчасти умирающий, а отчасти мёртвый, то есть ушедший совсем за предел. Для богов и героев полезное состояние, не только и даже не столько потому, что добавляет глубины (хотя добавляет), просто выдержать это интересное состояние умирающего-всегда можно, только находясь в своей наивысшей октаве хотя бы половину проживаемого времени, лучше — больше, меньше — нельзя. И это уже не вопрос выбора (пока это вопрос выбора, мало кто сделает этот выбор, и не потому, что такой уж дурак, просто наша природа инертна, человеческий организм всегда старается сэкономить, особенно в области духа — сойдёт и так). Так вот, это уже не вопрос выбора, вернее, вопрос, но ровно настолько, насколько есть выбор у того, кто висит над пропастью: сжимать пальцы или не сжимать. То есть, этот выбор за нас делает инстинкт самосохранения, и — внимание! — переигрывает сам себя, побеждает другие свои проявления, не допускающие нас в наивысшую октаву собственного бытия. Очень красиво, на самом деле, как всякая змея, кусающая себя за хвост.

А находиться большую часть времени в своей наивысшей октаве (понятно, что она субъективна, у каждого своя, и меняется в течение жизни) — это уже такой уровень игры, что ради этого можно побыть и отчасти умирающим-мёртвым, и сокрушительно одиноким, как положено потерявшему близнеца (или почти-близнеца). Когда за это дают такие

коврижки (ты сам становишься «такие коврижки»), нормальная цена. Собственно, вообще не цена, потому что жизнь в собственной высшей октаве — высшее же проявление божественной милости, которая — присутствие такой мощи, что какая-то твоя часть, умирая (она всегда умирает), будет благодарно стоять на коленях и колотиться башкой о прошедшего быть с ней рядом бога, как пьяный о паплет.

Штука в том, что у каждого есть свой предел (на самом деле нет, но в человеческом восприятии всё-таки да).

Низшая октава — предел т. н. «зла», т. е., удалённости от духа. Тупость, косность и прочее скотство, стремление мучить и разрушать всё, выходящее за рамки твоего понимания и т. п. У каждого из нас свои возможности в этой области, но надо понимать, что у любого своя собственная низшая октава неизбежно есть.

Высшая октава — предел максимально возможного приближения к духу. Этот предел, опять же, у каждого свой. И, что самое важное — сиюминутный. То есть, наш индивидуальный предел постоянно меняется. Никто не бывает всю жизнь неизменно равен себе самому. И вектор перемен — то небольшое, что действительно зависит не от внешних обстоятельств (а от них зависит очень многое, не следует их недооценивать), а только от нас самих.

Т.е. вектор движения к духу или от него — единственный критерий «добра» и «зла», на который я опираюсь в своих рассуждениях. Обладая человеческим мозгом, можно только сымитировать выход за пределы бинарной системы, выйти из неё по-настоящему получается на достаточно короткие моменты в результате, условно говоря, медитации (разных практик, на самом деле, кому чего), но в этом состоянии мы с вами не будем друг с другом словами говорить. Имеет смысл это учитывать и позаботиться о том, чтобы критерии «добра» и «зла», раз уж они всё равно неизбежны, были рабочими. Мои — рабочие, поскольку помогают ориентироваться в объективно существующей и, по большому счёту, единственно важной для человека (как для бессмертного сознания) системе координат.

А

And not much else

В интернете какое-то время назад была популярна шутка: «Человек, остро чувствующий свою боль (and not much else) — это, несомненно, герой нашего времени». Я даже примерно понимаю, в каком месте надо смеяться (ироничненько улыбаться), и всё ещё помню, почему.

Я понимаю, всем хочется, чтобы эти ужасные невыносимые окружающие, если уж почему-то пока не издохли, были удобными и наносили нам лютейший комфорт, а не крушили всё вокруг, эгоистично завывая от своей пустяковой боли. Мне, в общем, тоже приятно, когда окружающие как зайки себя ведут. Штука однако в том, что при определённом уровне боли (как физической, так и душевной) просто технически невозможно чувствовать что-то ещё. У каждого своя доза, в смысле, свой предел, некоторым довольно мало надо, на некоторых не действуют традиционные обезболивающие. Мне это тоже не нравится, дайте мне другую Вселенную. Но в этой оно — пока так.

Короче, бывает невыносимая боль, как физическая, так и душевная, отвлекающая от заботы о комфорте окружающих; лучше поверьте на слово, что бывает, потому что нет на свете такого злодея, которому я пожелаю лично, на опыте убедиться в моей правоте.

По большому счёту, всё, что можно сделать с чужой болью — относиться к ней с уважением. Помнить, какую страшную власть она имеет над людьми, и хихикать пореже. Мы никогда не знаем, какими по счёту в очереди за невыносимой болью стоим.

Б

Баланс

С одной стороны, я знаю, что сознание бессмертно. Таким простым, естественным знанием, каким обычные зрячие люди знают, что в помещении сейчас светло (или темно).

С другой стороны, я совершенно осознанно позволяю сомнениям, даже откровенным неверию и отчаянию, порождённым скептическим умом в тандеме со слабостью безусловно смертного тела, регулярно меня одолевать и расшатывать единственную опору, которая может тут быть. Позволяю не потому, что не могу с ними справиться — на самом деле ещё как могу. Просто вести эту игру как последнюю, единственную и заранее безнадежно проигранную — ну, как минимум, очень красиво. И на энергии отчаяния (если умеешь правильно её готовить) можно устроить отличный бадабум.

(Не пытайтесь повторить в домашних условиях. Неумело приготовленная энергия отчаяния — чистый яд, а бадабум всем делать не обязательно, для этого тут есть я.)

Без сахара

Когда я слышу (читаю) популярное выражение «сопли в сахаре», я хватаюсь за парабеллум (невидимый, но какой есть), и не потому, что оно выдаёт отсутствие вкуса и чувства языка, хотя выдаёт, и одного этого вполне достаточно для парабеллума. Но есть кое-что похуже. Регулярно долдонящий про «сопли в сахаре» делает нехилую заявку на лёгкое, походя, в полпинка, безопасное и приятное обесценивание чужих (и своих, естественно, мы всегда с себя начинаем, хоть и редко это осознаём) чувств.

Если кто ещё до сих пор не понял, этот наш человеческий мир вообще-то довольно страшное место. Здесь до хренища страданий для каждого припасено (индивидуально подобранных, чтобы проняло). То есть, это далеко не единственное качество/свойство реальности, но одно из самых заметных. Поэтому, если что-нибудь для кого-то может стать кратковременным утешением, пусть оно будет. Талдычить про «сопли в сахаре» — всё равно что таблетки в разгар мигрени у больного отнимать.

Что касается воспитания стойкости и крепости духа, оно дело хорошее. Но вы, что ли, всерьёз собираетесь чужих людей воспитать, обесценив их утешение? Вот прям вы — такое просветлённое гуру с бамбуковой палкой? Даже не смешно.

Если чужие наивные обезболивающие вас раздражают, прям спать не дают, ваши собственные дела очень плохи. Вы — несчастное унылое слабосильное говно. Сильный человек по умолчанию радуется, когда рядом с ним хоть немного

уменьшается боль (потому что сила = власть над миром, только не в том смысле, что можно всеми важно командовать с пьедестала, блистая на зависть знакомым, как это обычно себе представляют, а в том, что приходится *всёвоэтовот* в себя вмещать).

Вообще, те, кто по всякому поводу любят поминать «сопли в сахаре», обычно просто пороху пока не нюхали, всех страданий — мамочка наругала по попе, нанеся неизгладимую травму на триста перерождений вперёд, или мальчику/девочке недостаточно сильно понравились, может даже вообще совсем не. Поздравляю, всё у вас ещё впереди, на этом месте раздаётся мой сатанинский хохот, призванный заглушить мой же ангельский плач.

Иногда бывает, что про «сопли в сахаре» талдычат те, кто пороху, наоборот, перенюхал, и этот порошок сломал им хребет. Ну так, блин, делом займитесь. Сращивайте хребет обратно. Это возможно, хотя конечно гораздо труднее, чем других с высоты своего бесценного опыта поучать.

Не то чтобы выбор у нас непременно был между двумя крайностями, но если уж между крайностями выбирать, честное слово, лучше быть наивным чувствительным идиотом, падким на так называемые «сопли в сахаре», чем бесчувственным скотом. Первый не настолько оскорбительно выглядит с точки зрения мироздания. Строго говоря, вообще ни насколько не оскорбительно, иногда даже вполне себе ми-ми-ми.

Благодатный огонь

Нынче вечером на улице Доминикану вокруг Храма Милосердия Божия внезапно (для меня по крайней мере) случилось возгорание Благодатного Огня, толкался народ со свечками, натурально было не пройти.

Не знаю, как они это устроили, потому что традиция православная, а храм католический; можно было бы списать на вполне обычный для нашего города прыжок во времени (Храм Милосердия Божия действительно был православным с 1821 по 1920 год), но для девятнадцатого века народ как-то слишком уж бойко селфился. И, по свидетельствам историков, при царе в драных джинсах мало кто решался в церковь ходить.

Так или иначе, а Благодатный Огонь бушевал на улице Доминикону, и это на самом деле очень трогательно выглядело, как будто застрявшие на нашем не в меру обитаемом острове души сигнализируют небу: мы тут, ааа, вокруг ужас-ужас, нам страшно-страшно, спасай!

Идея сама по себе отличная, только чтобы заметили с неба, свечи всё-таки недостаточно, хоть из самого Иерусалима по скайпу её поджигай, тут работает другая техника, требующая, конечно, воображения и сосредоточенности, но без них в нашем деле вообще никуда; я имею в виду, что если достаточно регулярно представлять себя горящим костром или хотя бы свечой (с огнём из макушки), там, на небе, нас наконец-то заметят. Но спасать всё равно не примчатся: хорошо же горит, от чего тут спасать.

Я смеюсь, но на самом деле не очень-то и смеюсь, потому что, во-первых, техника офигенная и вполне доступная (даже руками ничего делать не надо, а счастья практически с первой попытки полные штаны), а во-вторых, важны не все эти ваши смешные игры в «верю — не верю», а то, видят ли наше сияние там, высоко-высоко в небесах, в пространстве мифа, по ту сторону морока этэцэ.

Будьте как дети

Лето, жара, ранний вечер, окрестности Кофе-вана, ангел, отбрасывающий тень. В тени сижу я с эспрессо-тоником и курящие мужики из соседнего бара «Шпунька», места всем хватает, у ангела здоровенная тень.

Между ангелом и свиньёй-колесницей, которая с весны припаркована возле ангела, стоят четыре прокатных красных самоката, новая любимая городская игрушка. Удобство этих прокатных самокатов заключается, в частности, в том, что их можно где угодно оставлять.

К ангелу (и свинье) приходит приезжее туристическое семейство, включающее непрерывно делающую селфи усталую маму и троих очень бодрых дошкольных или младше-школьных детей, которые, как и положено нормальным детям, радостно верещат, бегают по ангельскому парапету в том месте, где он не занят нашими с мужиками из «Шпуньки» жопами, залезают верхом на свинью и просто прыгают, размахивая руками. В ходе веселья дети роняют один самокат, он задевает другие, и вот все четыре красных самоката лежат на земле, усталая мама что-то укоризненно лопочет, типа — как же вы так, а вот люди сидят, а вдруг самокаты их, а вы без спросу всё уронили. Дети смеются, как и положено детям. Семейство собирается уходить.

— Куда пошли? Сперва поднимите, что уронили! — сурово говорят детям курящие мужики из «Шпуньки».

Но только по форме сурово, а на самом деле, не очень, дети их даже не слышат. А если слышат, им плевать.

Мне ужасно лень включать педагога, но нельзя, чтобы в моём персональном культовом месте между Кофе-ваном, ангелом и свиньёй воцарился бардак из моих же персональных культовых красных самокатов. Поэтому я вздыхаю и говорю:

— Так, дети. Это не дело. Уронили, надо поднять, иначе нечестно.

Дети смотрят на меня во все глаза (они по-своему правы, есть на что посмотреть), приходят в состояние деловитого просветления, поднимают самокаты, старший мальчик даже правильно ставит их на тормоза.

— Круто! — говорю я ему. — Спасибо. Теперь можно идти.

Дети уходят, уводя за собой бурно фотографирующую маму, мужики из «Шпуньки» тоже на всякий случай уходят (но оно и понятно, они докурили уже). Мы с ангелом, свиньёй и красными самокатами остаёмся, довольные наведённым порядком и (особенно) собой.

В общем, дети — правильные чуваки. Они сразу понимают, что меня лучше слушаться, чем не слушаться. Вот просто так надо, и всё. Так что будьте как дети — для начала хотя бы в этом конкретном вопросе. А там — как пойдёт.